

## «ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ КОЛЛАПС»: АНАЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ КАНТА

А. А. Мёдова<sup>1,2</sup>

Исследование отталкивается от кантовской постановки проблемы условий возможности опыта, в рамках которой рассматривается тезис о возможности предметов опыта (В 197). Предлагаются три его интерпретации: креационистская, согласно которой априорные структуры рассудка и разума создают предметы опыта; умеренная, в соответствии с которой априорные структуры рассудка и разума объективируют и идентифицируют созерцания; версия трансцендентального реализма, представляющая предметы опыта объективно существующими. Далее анализируется особый стиль прочтения Канта, представленный в работах Г. Дж. Патона, П. Ф. Стросона, Дж. Беннетта и др. и характеризующийся автором статьи как «полемичный». В рамках этого стиля проблема условий возможности опыта фиксируется как ключевая, а основным ее источником становится аргумент каузальности, описанный Кантом во «Второй аналогии» «Критики чистого разума». В итоге полемической проработки проблема условий возможности опыта предстает как проблема «навязывания причинного порядка природе», по формулировке Беннетта. Отталкиваясь от полученных результатов, автор предлагает две собственные формулировки указанной проблемы, отражающие эпистемическую и онтологическую точки зрения на нее. В первом случае она осмысливается как проблема «замкнутого круга» познания, во втором – как «трансцендентальный коллапс», то есть как проблема корреляции разума и реальности, приобретающая в трансцендентализме качество «парадоксальной совместимости». В заключение де-

<sup>1</sup> Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнёва, Россия, 660037, Красноярск, просп. им. газеты «Красноярский рабочий», д. 31.

<sup>2</sup> Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Россия, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89. Поступила в редакцию: 21.08.2023 г.  
doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-2

## “THE TRANSCENDENTAL COLLAPSE”: ANALYTIC READING OF KANT

A.A. Medova<sup>1,2</sup>

The starting point for this study is Kant's approach to stating the problem of the conditions of possibility of experience and the thesis of the possibility of objects of experience (KrV, B 197). The thesis lends itself to three interpretations: the creationist interpretation, whereby a priori structures of understanding and reason create objects of experience; the moderate interpretation, in which a priori structures of understanding and reason objectify and identify intuitions; and the transcendental realist interpretation, which presents objects of experience as objectively existing. I then analyse the “polemical” style of the reading of Kant presented in the works of H. J. Paton, P. F. Strawson, J. Bennett, and others. This approach focuses on the problem of the possibility of experience, with its main source being Kant's argument for causality in the Second Analogy from the Critique of Pure Reason. As a consequence of its polemic, this approach, as formulated by Bennett, treats the problem of the conditions of the possibility of experience as the problem of imposing a causal order on nature. Based on the results of my analysis, I propose two formulations of the above problem, which reflect the epistemic and ontological points of view respectively. In the former case, we have the problem of the “vicious circle” of cognition, while in the latter case we have “transcendental collapse” – that is, the problem of the correlation between reason and reality which acquires the transcendental property of “paradoxical compatibility”. Finally, I discuss the importance of the problem, arguing that it is the foundation of transcendental philosophy, and that which makes it productive.

<sup>1</sup> Reshetnev Siberian State University of Science and Technology.  
31 Prospect named after the Newspaper “Krasnoyarsk Worker”, Krasnoyarsk, 660037, Russia.

<sup>2</sup> Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev.  
89 Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049, Russia.  
Received: 21.08.2023.  
doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-2

монстрируется потенциал данной проблемы: обосновывается, что она выступает как принципиальное основание трансцендентальной философии и источник продуктивности последней.

**Ключевые слова:** Кант, метафизика опыта, предметы опыта, *a priori*, чистые рассудочные категории, причинность, необходимость, конституирование объектов опыта

## Введение

Одна из самых известных формулировок проблемы условий возможности опыта звучит в письме Канта к Маркусу Герцу от 21 февраля 1772 г.: «...на чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету?» (AA 10, S. 124; Кант 1980, с. 527). За этим вопросом стоит не только обоснованность системы трансцендентальной философии. В нем свернуты пути развития европейской эпистемологии, от теории представлений и критики психологизма до «проблемы доступа» в современном эпистемологическом дизъюнктивизме.

Нельзя утверждать, что эта проблема осталась незамеченной в многочисленных исследованиях наследия Канта, но также нельзя сказать, чтобы она была осмыслена как центральная проблема трансцендентальной философии, учитывая всю глубину ее последствий. В данной статье мы намерены, насколько возможно, приблизиться к осмыслению ее концептуального значения. Мы ставим целью зафиксировать проблему условий возможности опыта с максимальной остротой, задействовав для этого аналитический контекст прочтения Канта, чтобы затем вскрыть ее предпосылки как в рамках кантовской философии, так и с точки зрения логики познавательных процессов в целом и тем самым показать ее фундаментальность для системы трансцендентального идеализма Канта и всего философского анализа познания.

Альтернативным кантовскому контекстом выступает в нашей статье рецепция дан-

**Keywords:** Kant, metaphysics of experience, objects of experience, *a priori*, pure categories of understanding, causality, necessity, constituting the object of experience

## Introduction

One of the best-known formulations of the problem of conditions of possibility of experience is found in Kant's letter to Markus Herz of 21 February 1772: "What is the ground of the relation of that in us which we call 'representation' to the object?" (Br, AA 10, p. 124; Kant, 1999, p. 133). This question pertains not only to the grounding of the system of transcendental philosophy. It enfoldes the paths of the development of European epistemology from the theory of representations and critique of psychologism, to "the problem of access" in modern epistemological disjunctivism.

It is not that this problem has been passed over in the numerous studies of Kant's legacy; but considering the depth of its consequences, its centrality to transcendental philosophy has not been fully appreciated. In this article, I will aim to demonstrate its conceptual significance. To this end, I will attempt to formulate the problem of the conditions of possibility of experience as clearly as possible, bringing in the analytical context of Kant scholarship in order to reveal its prerequisites in the framework of Kantian philosophy and elaborating it from the viewpoint of cognitive processes in general, in order to show how fundamental it is for the system of Kant's transcendental idealism and the philosophical analysis of cognition.

As an alternative to the Kantian context, in this article I have chosen to focus on the reception of the problem in the English-language philosophy of the twentieth century, notably by the representatives of the analytical tradition who polemicise with Kant. I examine the readings of Kant by Peter Strawson and Jonathan Bennett as well as their forerunner, Herbert

ной проблемы англоязычными философами XX в., преимущественно представителями аналитической традиции как наиболее polemичной. Мы обращаемся к прочтению Канта П. Ф. Стросоном и Дж. Беннеттом, а также их предшественником Г. Дж. Патоном, что позволит показать интересующую нас проблему во всей ее радикальности.

Вначале мы обратимся к сути проблемы в ее кантовском звучании (1), затем, исходя из кантовских посылок, проблематизируем понятие «предмет опыта» (2). После того как проблема будет поставлена на территории кантовского дискурса, мы перейдем к характеристике polemического стиля общения с Кантом (3) и погрузимся в рефлексию проблемы условий возможности опыта, проделав ее совместно с Патоном, Стросоном и Беннеттом (4 и 5). Выделив «проблематическое зерно» в виде аргумента каузальности, мы сможем перейти к альтернативной версии постановки данной проблемы. В итоге ракурс сместится с эпистемического на онтологический, и проблема предстанет как «трансцендентальный коллапс» (6).

## 1. Кантовская постановка проблемы условий возможности опыта

Наша работа посвящена проблеме, которую Кант считал ключевой для себя. Необходимость объяснить, как ментальное представление может относиться к своему объекту, составляет всеобъемлющую цель первой «Критики» (Hanna, 2001, p. 67), но не только ее. Проблема необходимости соответствия априорных условий опыта и мышления объективному порядку вещей красной нитью проходит сквозь все ключевые работы Канта (A 128; B XVI, B 161–164; AA 04, S. 297–313; AA 05, S. 180–181).

Обязательным условием опыта для Канта является синтез, поскольку все представления даны в их изначальной целостности, предшествующей всякому аналитическому расчленению. Важнейшую роль играют син-

James Paton, in order to highlight the radical character of the problem.

First, I look at the way in which Kant formulates the problem (1). Next, I problematise the concept of the “object of experience”, proceeding from Kantian premises (2). Once the problem is mapped onto the territory of Kantian discourse, I will discuss the polemical style of engagement with Kant (3) and reflect on the problem of the conditions of possibility of experience in the company of Paton, Strawson, and Bennett (4 and 5). After isolating the “problematic kernel” in the form of the causality argument, we can pass on to an alternative way of stating the problem. As a result, the focus will shift from the epistemological to the ontological, and the problem will become that of the “transcendental collapse” (6).

## 1. Kant's Statement of the Problem of the Conditions of Possibility of Experience

This article is devoted to the problem which Kant considered to be central. The need to explain how mental representation can relate to its object is the overarching goal of the first *Critique* (Hanna, 2001, p. 67); but the need for the *a priori* conditions of experience and thought to correspond to the objective order of things runs like a red thread through all of Kant's key works (*KrV*, A 128; B XVI, 161-164; *Prol*, AA 04, pp. 297-313; *KU*, AA 05, pp. 180-181).

For Kant, synthesis is an indispensable condition, insofar as all representations are initially given as whole, preceding any analytical breakdown. The key role is played by syntheses of apprehension (*Apprehension*), reproduction (*Reproduktion*), and recognition (*Rekognition*) (*KrV*, A 97), which in turn break up into pure syntheses which yield *a priori* diversity (*KrV*, B 103). They include spatio-temporal syntheses (for example, the addition of preceding mo-

тезы схватывания (Apprehension), воспроизведения (Reproduktion) и узнавания в понятии (Rekognition) (A 97), среди которых, в свою очередь, выделяются чистые синтезы, дающие многообразие *a priori* (B 103). Это пространственно-временные синтезы (например, синтез присоединения предыдущих моментов к последующим) и чистые синтезы априорного синтетического единства (например, счет как синтез однородных величин). Условиями опыта также являются чистые рассудочные понятия, *a priori* относящиеся к предметам созерцания, то есть категории, выводимые из логических функций суждений. Трехэтапная структура трансцендентальных условий опыта такова: 1) данность многообразия в чистом созерцании; 2) синтез многообразия посредством способности воображения; 3) понятия, придающие этому чистому синтезу единство (B 104–105).

Существенно здесь то, что, по Канту, все основоположения чистого рассудка суть не более как принципы априори возможности опыта (B 294). Таким образом, проблема условий возможности опыта предстает перед нами как трансцендентальная проблема замкнутого круга познания, обусловленная тремя принципиальными постулатами трансцендентальной философии: 1) принципы познания и восприятия предметов предпосланы познавательной и чувственной активности, 2) эти принципы не имеют эмпирического происхождения, 3) мы обладаем знанием объективного положения вещей.

Кант отвергал идею о том, что наши представления суть отражения способов воздействия предметов на нас. Если это допустить, проблема замкнутого круга была бы снята: предмет и представление соотносились бы как причина и следствие. Но в трансцендентальной системе Канта действует принцип взаимной независимости чувственности и рассудка: созерцание не нуждается в функциях мышления, оно может быть некатегориальным, то есть протекать без применения априорных понятий (B 122–123).

ments to those that follow) and pure syntheses of *a priori* synthetic unity (for example, counting as a synthesis of homogeneous values). Conditions of experience also include pure concepts of understanding that belong *a priori* to objects of intuition, that is, to categories derived from the logical functions of judgments. Thus, the three-stage structure of the transcendental conditions of experience includes: 1) the givenness of diversity in pure intuition; 2) synthesis of diversity by the faculty of imagination; and 3) concepts that lend unity to this pure synthesis (*KrV*, B 104-105).

It is important to bear in mind that, according to Kant, all the principles of pure understanding are no more than principles of *a priori* possibility of experience (*KrV*, B 294). Thus, the problem of the conditions of possibility of experience presents itself as the transcendental problem of the vicious circle of cognition, owing to three fundamental premises of transcendental philosophy: the principles of cognition and perception of objects 1) precede cognitive and sensible activity and 2) do not have an empirical origin, and 3) we do not know the objective state of things.

Kant rejected the notion that our representations are reflections of the ways in which objects impact us. If the problem of the vicious circle could be set aside, the object and the representation would be related as cause and effect. But Kant's transcendental system assumes mutual independence of sensibility and understanding: intuition does not need the functions of thinking. It can be non-categorical, i.e. it can do without *a priori* concepts (*KrV*, B 122-123).

Another way out of the contradiction would be to allow that our representation, on the contrary, is active with regard to the object. In this case, the representation would generate the object, something which Kant ruled out. Every phenomenon has something that is imparted to it by the properties of our sensibility. But it

Другим способом выхода из противоречия было бы допустить, что наше представление, напротив, активно в отношении объекта. Тогда этим представлением порождается сам предмет, но этого Кант также не допускал. В каждом явлении есть нечто, что сообщается ему свойствам нашей чувственности. Но также в нем есть нечто, сигнализирующее о присутствии предмета, независимого от чувственности (A 252). Он утверждает, что даже априорная природа основоположений рассудка не ставит их выше всякого доказательства; они проверяемы на основе «субъективных источников возможности знания о предмете вообще». Такое эмпирическое доказательство априорных принципов «даже необходимо, так как в противном случае возникло бы подозрение, что эти основоположения суть произвольно подsunутые утверждения» (A 149 / B 188; Кант, 1999, с. 183).

Кант (а до него Гоббс, Декарт и Юм) натолкнулся на лакуну в описании процесса познания: помимо чувственного восприятия есть нечто, благодаря чему предметы даны как объекты опыта. Это формальные условия чувственности и мышления, и «они необходимо и *a priori* относятся к предметам опыта, так как только с помощью их может быть мыслим какой бы то ни было предмет опыта вообще» (A 93 / B 126, Кант, 1999, с. 131).

В «Трансцендентальном учении об элементах» «Критики чистого разума» Кант предпринимает трансцендентальную дедуцию чистых понятий рассудка, чтобы показать, как априорные понятия могут составлять объективные основания опыта. Он дедуцирует их из идеи соединения, поскольку это то, что никоим образом не может быть дано самими объектами, а производится только самим субъектом (B 130). Эта мысль Канта подтверждается тем, что онтологическая проблема «единого и многого» стала исторически первой философской проблемой: первым античным вопросом к бытию был вопрос о тайне его целостности, о всеобщей связи вещей.

also has something that signals the presence of an object that does not depend on sensibility (*KrV*, A 252). He maintains that even the *a priori* nature of the principles of understanding does not put them above any kind of proof; they are verifiable “from the subjective sources of the possibility of a cognition of an object in general”. Such empirical proof of *a priori* principles is “even necessary, since otherwise the proposition would raise the greatest suspicion of being a merely surreptitious assertion” (*KrV*, A 149 / B 188; Kant, 1998, p. 278).

Kant (like Hobbes, Descartes, and Hume before him) was confronted by a lacuna in the description of the process of cognition: in addition to sensible intuition, there is something else owing to which objects are given in experience. These are formal conditions of sensibility and thinking which “are related necessarily and *a priori* to objects of experience, since only by means of them can any object of experience be thought at all” (*KrV*, A 93 / B 126; Kant, 1998, p. 224).

In the “Transcendental Doctrine of Elements” in the *Critique of Pure Reason*, Kant makes an attempt at a transcendental deduction of pure concepts of understanding in order to show that *a priori* concepts may be objective foundations of experience. He deduces them from the idea of *joining* because this is something that can in no way be given by the objects themselves and is generated only by the subject (*KrV*, B 130). This idea of Kant’s is borne out by the fact that the ontological problem of the “united and the manifold” was historically the first philosophical problem: the first, ancient question of being was the question of the mystery of its wholeness, the universal connection of things.

Kant argues that the idea of nexus is preceded by a higher order concept that makes synthesis and diversity possible. This is the concept of *unity*, which is more fundamental

Кант отмечает, что идее соединения предшествует понятие более высокого уровня, делающее возможными представления о синтезе и многообразии, — это понятие единства, более фундаментальное, чем категория единства, поскольку «все категории основываются на логических функциях в суждениях, а в них уже мыслится соединение...» (В 131; Кант, 1999, с. 148). В итоге все чистые рассудочные категории дедуцируются из первоначальной апперцепции — трансцендентального единства самосознания (§16–17). Насколько этот финальный этап дедукции последователен и убедителен — тема для отдельного исследования. На наш взгляд, он не проливает света на поставленную проблему корреляции априорных понятий с предметами опыта, поскольку уводит рассуждение в совершенно другое русло. Кант не рассматривает вопрос, может ли «единство» различных аспектов вещей «входить» в наше сознание через наши сенсорные каналы (и, если да, то каким образом), поскольку он не рассуждает на психофизиологическом уровне, но действует исключительно в границах трансцендентальной логики. Но при этом он объясняет происхождение фундаментальной идеи единства через понятие принадлежности и даже через пространственную метафору совместного нахождения в чем-либо. Все многообразные представления, данные нам в созерцании, должны образовывать единство как наши собственные представления, а для этого они должны все вместе принадлежать одному сознанию (*zu einem Selbstbewußtsein gehöreten*) или находиться вместе в одном общем самосознании (*allgemeinen Selbstbewußtsein zusammenstehen*) (В 132–133). Дедукция категорий заканчивается постулированием единства апперцепции как высшего принципа применения рассудка. Решение проблемы связи априорных понятий с предметами опыта таково: поскольку явления должны сообразоваться с априорной формой чувственного наглядного представления, то законы явлений в природе должны сообразоваться с априорной формой рассудка, а именно со способностью соединения многообразия вообще (В 164).

than the category of unity because “all categories are grounded on logical functions in judgments, but in these combination, thus the unity of given concepts, is already thought” (*KrV*, В 131; Kant, 1998, p. 246). Thus, all the pure categories of understanding are deduced from the initial apperception, the transcendental unity of self-consciousness (§16-17). Whether this concluding stage of deduction is consistent and convincing calls for a separate investigation. In my view, it does not shed light on the stated problem of correlation between *a priori* concepts and objects of experience because it side-tracks the argument. Kant does not address the question as to whether and how the “unity” of various aspects of things can “enter” our consciousness through our sensory channels because he does not think on the psycho-physiological level but works strictly within the bounds of transcendental logic. But he explains the origin of the fundamental idea of unity through the concept of belonging and even through a spatial metaphor of being within something together. All the diverse representations given to us in intuition should form a unity as our own representations, and that means that they should belong to one consciousness (*zu einem Selbstbewußtsein gehöreten*) or be located together in one common self-consciousness (*allgemeinen Selbstbewußtsein zusammenstehen*) (*KrV*, В 132-133). The deduction of categories ends with the positing of the unity of apperception as the highest principle of the use of understanding. This, then, is the solution of the problem of the link between *a priori* concepts and the objects of experience: because the phenomena should correspond to the *a priori* form of sensible visual representation, the laws of natural phenomena should correspond to the *a priori* form of understanding; namely, to the faculty of combining the manifold in general (*KrV*, В 164).

Обобщим суть рассматриваемой проблемы кантовским языком:

1) наш рассудок через посредство своих представлений не есть причина предмета, но и предмет не есть причина представлений рассудка (A 125–127; A 252; B 135);

2) чистые рассудочные понятия и аксиомы чистого разума относительно предметов все же соответствуют этим предметам, хотя такое соответствие не может получить никакой поддержки со стороны опыта (AA 10, S. 130–131; Кант, 1980, с. 528);

3) категории содержат в себе, со стороны рассудка, основание возможности всякого опыта вообще (B 167; Кант, 1999, с. 170).

## 2. Следствие постановки проблемы: возможность опыта как возможность предметов опыта

Если сместить ракурс данной проблемы в когнитивную плоскость, она звучит следующим образом: как восприятия и созерцания приобретают статус предметов опыта? К этому вопросу имеет прямое отношение известная сентенция Канта: «... условия *возможности опыта* вообще суть вместе с тем условия *возможности предметов опыта*...» (B 197; Кант, 1999, с. 188).

Эта фраза открывает простор для интерпретаций кантовской метафизики опыта. Возникают как минимум три версии: 1) креационистская — априорные структуры рассудка и разума создают предметы опыта; 2) умеренная — априорные структуры рассудка не конструируют предметы опыта, но объективируют и идентифицируют созерцания, превращая их в предметы для осознания, то есть в материалы для связывания; 3) версия трансцендентального реализма: если существует опыт, то и его объекты должны объективно существовать, а значит, внешний мир реален.

*Версия 1 (креационистская).* В ней познание предмета предстает чем-то сродни созданию его

To sum up the essence of the problem in Kantian language:

1) Our understanding, through the medium of its representations, is not the cause of the object, nor is the object the cause of the representations of understanding (*KrV*, A 125-127, 252; B 135);

2) Pure concepts of understanding and axioms of pure reason concerning objects are congruent with these objects, although their congruence cannot be supported by experience (*Br*, AA 10, pp. 130-131; Kant, 1999, 133-134);

3) Categories, from the side of understanding, contain the grounds of the possibility of all experience in general (*KrV*, B 167; Kant, 1998, p. 265).

## 2. Consequence of the Statement of the Problem: The Possibility of Experience as the Possibility of the Objects of Experience

Shifting the angle on the problem toward the cognitive plane, it can be regarded as follows: how do perceptions and intuitions acquire the status of objects of experience? The following statement of Kant's has direct relevance to this question: "The conditions of the possibility of experience in general are at the same time conditions of the possibility of the objects of experience" (*KrV*, B 197; Kant, 1998, p. 283).

This proposition gives room for at least three interpretations of the Kantian metaphysics of experience. 1. The creationist one holds that *a priori* structures of understanding and reason create objects of experience. 2. The moderate version holds that *a priori* structures of understanding do not construct objects of experience, but objectify and identify intuitions, turning them into objects of understanding, that is, materials for conjunction. 3. The transcendental realist's interpretation is that if experience exists, its objects must objectively exist; hence, the external world is real.

ментального прообраза, который предвосхищает и конструирует сам этот предмет. Неслучайно кантовское учение о продуктивной способности воображения, или трансцендентальном воображении, привлекло к себе столь активное внимание и обсуждается до сих пор. Так, У. Селларс усматривает прямую аналогию работы воображения и познавательных способностей у Канта: концептуальные структуры, которые развиваются в перцептивном опыте, составляют часть концептуальных структур, которые спонтанно развиваются в воображении. «В восприимчивости мы делаем то же самое, что и в “спонтанности” воображения, но мы делаем это как восприимчивые к руководству со стороны объектов, которые мы начинаем представлять» (Sellars, 1967, p. 637). Развитие первой версии стало актуальным для феноменологии, но оно не органично для философии Канта.

*Версия 2 (умеренная).* В «Аналогиях опыта» Кант прямо говорит о том, что бытие явлений нельзя сконструировать («*sich nicht konstruieren läßt*», В 222). Каковы же тогда условия возможности опыта? Наиболее явный посыл Канта таков: условия возможности предметов опыта — это возможность подведения восприятий под априорные идеи, то есть синтетическое единство явлений согласно понятиям (А 108–110).

М. Е. Соболева предлагает следующую «мягкую» версию этого тезиса: процедура связывания и упорядочивания материала для познания предшествует у Канта собственно познанию (В 145). Следовательно, для возникновения опыта важны, как она полагает, не качества предметов, а их связь (хотя связность предполагает и какую-то квалификацию воспринимаемого). Трансцендентальное сознание не подводит восприятия под понятия, не загоняет их в категориальные схемы, оно лишь структурно или топологически объективирует их, то есть идентифицирует, определяет на ментальной карте сознания как «одно и то же созерцание». Тогда условие возможности пред-

*Interpretation 1, creationist.* On this reading, cognition of the object is akin to the creation of its mental image anticipating and constructing the object. It is no accident that the Kantian doctrine of the productive capacity of imagination, or transcendental imagination, has attracted significant attention and is being discussed to this day. Thus, Wilfrid Sellars sees in Kant a direct analogy between the work of the imagination and cognitive faculties: the conceptual structures developed through perceptive experience are part of the conceptual structures that are developed spontaneously in imagination. “In receptivity we do the same sort of thing we do in the ‘spontaneity’ of imagination, but we do it as receptive to guidance by the objects we come to represent” (Sellars, 1967, p. 637). This interpretation became relevant to phenomenology, but it is revisionist with respect to Kant’s philosophy.

*Interpretation 2, moderate.* In the “Analogies of Experience”, Kant claims upfront that the being of phenomena cannot be constructed (“*sich nicht konstruieren läßt*” — *KrV*, В 222). What, then, are the conditions of the possibility of experience? Kant’s clearest premise is that the conditions of possibility of the objects of experience are the possibility of fitting perceptions into *a priori* ideas, i.e. synthetic unity of phenomena in accordance with concepts (*KrV*, А 108-110).

Maja E. Soboleva proposes a “soft” version of the same thesis: according to Kant, the procedure of joining and ordering cognitive material precedes cognition proper (*KrV*, В 145). Consequently, what matters for experience is not the properties of the objects but their interconnection (although conjunction presupposes a qualification of what is perceived). Transcendental consciousness does not fit perceptions into concepts or shoehorn them into categorial schemes, but merely objectifies them structural-

метов опыта — это не соответствие созерцаний родовидовым классификациям, не квалификация их согласно понятиям, а простая первичная концептуализация восприятий по схеме «S есть S». Таким образом, рассудок не конструирует предметы из контента ощущений, а объективирует чувственные данные, ничего не меняя в их составе, тем самым превращая их в такие «материалы», которые можно будет связать (с помощью категорий) в единую картину опыта (Соболева, 2017, с. 94–95).

*Версия 3 (трансцендентальный реализм).* Эта версия трактовки приведенного в начале настоящего раздела тезиса принадлежит Дж. Беннетту. Он отмечает, что, с одной стороны, этот тезис — не более чем тавтология. Конечно, условия, необходимые для опыта, автоматически необходимы и для объектов опыта. Но Кант хочет здесь сказать нечто иное: должны существовать объекты опыта, если вообще существует опыт. Он стремится показать, что «не может быть интуитивной последовательности, сопровождаемой самосознанием, которое не было бы переживанием объективной сферы» (Bennett, 1966, p. 133–134). Пассажи, где Кант говорит про синтез явлений согласно понятиям, который делает все явления не только необходимо воспроизводимыми, но и определяет для них предмет созерцания (A 108), или про объективную значимость категорий, или про суждения, имеющие объективную значимость (B 126, 142), нужно понимать как указание на то, что *объективная реальность действительно существует*.

Сам Кант формулировал интересующую нас проблему в виде вышеупомянутой дихотомии. «Существует только два пути, на которых возможно *необходимое* согласие опыта с понятиями о его предметах: или опыт делает эти понятия возможными, или эти понятия делают опыт возможным» (B 166–167; Кант, 1999, с. 170). Первый путь Кант решительно отвергал как исключающий априорные элементы опыта, второй путь казался ему более вероят-

ly and topologically, i.e. identifies them and locates them on the mental map of consciousness as being “the same intuition”.

Thus, the condition of the possibility of objects of experience is not the correspondence of intuitions to genus and species classifications; not their qualification according to concepts, but the simple, primary “S is S” conceptualisation of perceptions. Thus, understanding does not construct objects out of the content of sensations, but objectifies sensible data without changing anything in their composition, thus turning them into “materials” that can be put together (through categories) into a single picture of experience (Soboleva, 2017, pp. 94-95).

*Interpretation 3, transcendental realism.* This interpretation has been proposed by J. Bennett. He points out that, on one hand, the thesis is no more than a tautology. Indeed, the conditions needed for experience are automatically needed for the objects of experience. But Kant’s point here is different: objects of experience must exist if experience exists at all. He wants to show that “there could not be an intuitional sequence accompanied by self-consciousness which was not experience of an objective realm” (Bennett, 1966, pp. 133-134). The main thrust of the passages in which Kant discusses the synthesis of phenomena in accordance with concepts, which makes all phenomena not only reproducible, but determines the object of intuition for them (*KrV*, A 108); the objective significance of categories; and judgments which have objective significance (*KrV*, B 126, 142), should be construed to mean that *objective reality does exist*.

Kant himself formulated the problem that interests us here by way of the above-mentioned dichotomy: “Now there are only two ways in which a **necessary** agreement of experience with the concepts of its objects can be thought: either the experience makes these concepts possible or these concepts make the

ным, с известными ограничениями, но именно он позволяет чему-либо стать эмпирически данным, представляемым и, как следствие, объектом опыта.

Как видим, кантовская проблема условий возможности опыта многоаспектна. Она связана с проблемами доступа к объективной реальности, определения границ познавательной активности сознания, формирования предметности сознания, что указывает на ее значительность и продуктивность.

### 3. Полемический стиль чтения Канта

Наиболее острая реакция на рассматриваемую проблему имеет место в работах ряда философов, связанных с аналитической традицией. Как известно, возникновение аналитической философии сопровождалось резкой критикой кантовских идей и попытками их опровержения. Такие попытки были предприняты Фреге, Расселом, Муром, Карнапом, Шликом, ранним Витгенштейном (Hanna, 2001, p. 68). Этот спор с Кантом затронул глубинные основания аналитической философии, сыграл конструктивную роль в ее самоопределении, обусловил способы постановки ее ключевых проблем (Макеева, 2013, с. 65).

Согласно остроумному замечанию Р. Ханна, «Кант, которого мы изучаем сегодня, — это явно Кант, переработанный и представленный нам теми, кто непосредственно участвовал в долгой и извилистой борьбе аналитической традиции с первой “Критикой”» (Hanna, 2001, p. 5). Активными участниками этой борьбы были Беннетт и Стросон, чьи изыскания относятся ко «второй волне» погружения в кантовское наследие представителей аналитической традиции. Это погружение состоялось в 1960-х гг. и было вызвано потребностью обогатить программу аналитической философии «обыденного языка», методологически насытить лингвистический курс исследований, переосмыслить позитивистские установки, пересмотреть отношение к

experience possible” (*KrV*, B 166-167; Kant, 1998, p. 264). Kant brushed aside the first path because it excludes *a priori* elements of experience, leaning toward the second path, albeit with certain reservations, because it enables something to be empirically given, representable, and thus to be an object of experience.

We see that with Kant, the problem of the conditions of possibility of experience has multiple aspects. It is connected with the problems of access to objective reality, determination of the boundaries of the cognitive activity of consciousness, and objectification of consciousness, which points to its significance and productivity.

### 3. The Polemical Style of Reading Kant

The sharpest reaction to the problem at hand came from the philosophers belonging to the analytical tradition. The emergence of the analytical tradition was marked by intense criticism of Kantian ideas and attempts to refute them. Such attempts were made by Frege, Russell, Moore, Carnap, Schlick, and the early Wittgenstein (Hanna, 2001, p. 68). The argument with Kant shaped the foundations of analytical philosophy, playing a constructive role in its self-identification and influencing its approach to key problems (Makeyeva, 2013, p. 65).

To quote Robert Hanna’s apt remark, “The Kant we study nowadays is manifestly a Kant who has been reworked and represented to us by those who participated directly in the analytic tradition’s long and winding struggle with the first *Critique*” (Hanna, 2001, p. 5). Active participants in this struggle were Bennett and Strawson, whose research belongs to the “second wave” of the engagement of members of the analytical tradition with the Kantian legacy. That engagement took place in the 1960s and was prompted by the need

метафизике (Чалый, 2004, с. 88–89). Аналитики, с одной стороны, читали Канта под углом сциентизма и эмпиризма. С другой – они ждали от этого чтения многого, желая взять метод Канта на вооружение. Этим объясняется общий стиль их рецепции.

Вот как характеризует стросоновское «общение с Кантом» Беннетт: «Он [Стросон] устроился как дома в кантовском интеллектуальном мире и научился двигаться в нем легко и непринужденно, но близкие отношения не пригласили остроты его восприятия относительно того, что должно быть отвергнуто. В частности, его близость к “трансцендентальному идеализму”... вызвала понимание и почти сочувствие, но не терпимость» (Bennett, 1968, p. 340). Эти слова применимы ко всей «второй волне» изысканий в области кантовской философии. Действительно, отношения аналитических философов с Кантом могут показаться семейными. Их рефлексия Канта отличается исключительной живостью, вовлеченностью и, в определенном смысле, отсутствием пиетета. Беннетт и Стросон рассматривают Канта как современника, ставя перед ним свои собственные задачи, практически игнорируя исторические особенности развития философской проблематики и контекст кантовского мышления (если не брать во внимание производимые ими эпизодические сравнения кантовских идей с идеями Юма и Локка). Знакомясь с Кантом, они одержимы желанием проверить его идеи на прочность, поспорить с ним, поймать его на несоответствиях, найти слабые места. Такой стиль работы с источником в целом типичен для аналитиков, понимающих философию как «вневременной диалог разума», а ее историческое наследие в виде теорий и систем – как объекты теоретических реконструкций (Makeeva, 2013, с. 59).

Радикальная интерпретация Канта сменилась в среде аналитических философов более спокойной и объективной уже к началу 1980-х гг., что наблюдается в работах П. Гай-

то enrich the analytical philosophy of “ordinary language”, to shore up linguistic research methodologically, and to rethink its positivist tenets and revise its attitude to metaphysics (Chaly, 2004, pp. 88-89). Analytic philosophers, on one hand, read Kant from a scientific and empirical perspective. On the other hand, they expected a great deal from that reading, wishing to adopt Kant’s method into their toolkit. This goes a long way to explaining the overall style of their reception.

This is how Bennett (1968, p. 340) describes Strawson’s “engagement with Kant”: “He [i.e. Strawson] has made himself at home in the Kantian intellectual world, and has learned to move easily and naturally in it, yet familiarity has not dulled the sharpness of his perception of what has to be rejected. In particular, his intimacy with ‘transcendental idealism’ [...] has engendered understanding, and almost sympathy, but no tolerance.” This description can be applied to the whole “second wave” of investigations in the realm of Kantian philosophy. Indeed, analytic philosophers do not stand on ceremony with Kant. Their reflections on Kant are lively, engaged, and sometimes irreverent. Bennett and Strawson think of Kant as if he were their contemporary, challenging him to solve their own tasks, practically ignoring the historical features of philosophy and the context of Kant’s thinking (except for occasional comparisons of Kantian ideas with those of Hume and Locke). In reading Kant, they seek to challenge his ideas, to argue with him, to point out inconsistencies and weaknesses. This approach to sources is in general characteristic of analysts, who see philosophy as “a dialogue of reason outside time” and its historical legacy in the form of theories and systems as objects of theoretical reconstruction (Makeyeva, 2013, p. 59).

By the early 1980s, analytical philosophers’ approach to Kant became less radical, more re-

ера, Г. Эллисона, Р. Ханны и др. В контексте «метафизического поворота» аналитической философии значительная часть элементов кантовской доктрины трансцендентального идеализма была перенесена из раздела «заблуждения» в раздел «достижения» (Чалый, 2004, с. 89). Тем не менее дух радикальной рецепции сохранил Джеймс Ван Клеве, обобщивший ее историю в работе с красноречивым названием «Проблемы из Канта» (Van Cleve, 1999)<sup>3</sup>.

Что же касается четвертого участника процесса осмысления интересующей нас кантовской проблемы, Герберта Джеймса Патона (1887–1969), он известен прежде всего как дипломат, представлявший интересы Британии во времена обеих мировых войн и интересы Шотландии в мирное время. Как философ, он считается крупным специалистом по Канту, в частности по его этике. Казалось бы, Патон, начавший свою научную карьеру в Оксфорде в 1911 г., представляет совсем иную традицию — академическую, глубоко погруженную в историко-философский контекст. Его прочтение Канта состоялось гораздо раньше, и оно не было аналитическим. Однако ему также присуща «проблематическая» манера общения с отцом трансцендентальной философии. Его работа «Кантовская метафизика опыта» (1936) пронизана искренним желанием дойти до сути кантовского учения. Вот, к примеру, пассаж, открывающий параграф под названием «Трансцендентальный синтез воображения»: «Я попытался установить обоснованность кантовского учения, но должен признаться, что до сих пор нахожу большие трудности в том, что закон причинности, по Канту, навязан явлениям трансцендентальным синтезом воображения» (Paton, 1936, p. 278). Патона, без сомнения, можно отнести к числу философов, придерживавшихся полемичного и диалогичного стиля

<sup>3</sup>Перевод названия «Problems from Kant» как «Проблемы из Канта» грамматически образован по аналогии с латинским выражением «Deus ex machina» («Бог из машины»).

laxed and objective, as witnessed by the works of Paul Guyer, Henry Ellison, Robert Hanna, and others. The “metaphysical turn” of analytic philosophy saw many elements of Kant’s doctrine of transcendental idealism transferred from the list of “delusions” to the list of “achievements” (Chaly, 2004, p. 89). Even so, the spirit of radical reception survived in the work of James van Cleve who surveyed it in a book, under the telling title *Problems from Kant* (1999).<sup>3</sup>

The fourth participant in the discussion of the Kantian problem to which this article is devoted, Herbert James Paton (1887–1969), is known mainly as a diplomat who represented the interests of Britain during the two world wars, and of Scotland in peacetime. As a philosopher, he is considered to be a major specialist on Kant, in particular his ethics. On the face of it, Paton, whose academic career began at Oxford in 1911, represents a very different academic tradition, immersed in the historical-philosophical context. His reading of Kant took place much earlier, and it was not analytical in style. But his manner of engaging with the father of transcendental philosophy was also “problematic”. His work, *Kantian Metaphysics of Experience* (1936), is informed by a desire to get to the bottom of Kant’s doctrine. Consider the passage opening the paragraph “Transcendental Synthesis of Imagination”: “I have attempted to set forth the reasonableness of Kant’s doctrine, but I must confess that I still find great difficulty in the fact that causal law is for Kant imposed upon appearances by the transcendental synthesis of imagination” (Paton, 1936, p. 278). Paton can undoubtedly be counted among the philosophers who adhered to a polemical and dialogical manner of engaging with Kant; indeed, he was arguably the founder of this style.

<sup>3</sup>The title *Problems from Kant* harks back to the expression “Deus ex machina”.

общения с Кантом, и даже к числу основоположников этого стиля.

Патон, Беннетт, Стросон и отчасти Ван Клеве закономерно становятся нашими компаньонами по осмыслению проблемы условий возможности опыта. Все они восприняли ее не как один из множества эпизодов кантовского наследия, а как действительную проблему во всей ее отчетливости, масштабности и радикальности, поскольку наблюдали ее в контексте современных им философских задач. Ван Клеве назвал ее «проблемой Герца» по источнику формулировки, Беннетт — «позицией навязывания причинного порядка», Патон — «аргументом каузальности» (хотя последнее, скорее, название не самой проблемы, а ее источника). Проблема была осмыслена как предельно серьезная, угрожающая, согласно Ван Клеве, возможности рационального отношения к миру. На кону стоит сама возможность существования априорных понятий с непустым значением, то есть понятий, не выведенных из опыта, но тем не менее применимых к объектам опыта. На деле это вопрос о возможности рациональных суждений и понятий (Van Cleve, 1999, p. 33).

#### 4. Аргумент каузальности как источник «замкнутого круга»

Как мы убедились выше, относительно условий возможности опыта Кант занял сложную и противоречивую позицию, но занять иную позицию, не нарушив принципы трансцендентального идеализма, он не мог. Обратимся к анализу ее предпосылок, проделанному Патоном, Стросоном и Беннеттом.

Вопрос об условиях возможности опыта в более конкретизированном виде можно сформулировать так: почему действительность соответствует априорным понятиям? Здесь в игру вступают 12 кантовских категорий. Хотя если условие опыта — это возможность вещей согласно категориям (B 291), то многое остается неясным. В «Аналогиях опыта» рассмотрены

Paton, Bennett, Strawson, and partly James Van Cleve are our legitimate companions in exploring the problem of conditions of the possibility of experience. All of them perceived it not as one of the multitude of episodes of the Kantian legacy, but as a real, clear, major, and radical problem because they observed it in the context of the philosophical challenges of their time. Van Cleve called it the “Herz problem” after the source of its formulation, Bennett “the imposition account of causal order”, and Paton the “causality argument” (although the latter referred to the source of the problem rather than to the problem itself). The problem was viewed as very serious, threatening, according to Van Cleve, the possibility of a rational view of the world. At stake is the very possibility of the existence of *a priori* concepts that are not empty, that is, not derived from experience, but are nonetheless applicable to the objects of experience. In fact, it is the question of the possibility of rational reasoning and concepts (Van Cleve, 1999, p. 33).

#### 4. The Causality Argument as the Source of the “Vicious Circle”

As we have seen, Kant’s position on the conditions of the possibility of experience was complex and contradictory, but he could not take a different stance without violating the principles of transcendental idealism. Let us look at the analysis of its prerequisites carried out by Paton, Strawson, and Bennett.

The question of the conditions of the possibility of experience boils down to this: why does reality correspond to *a priori* concepts? Kant’s 12 categories come into play here. However, much remains unclear if the condition of experience is the possibility of things according to the categories (*KrV*, B 291). “Analogies of Experience” considers only three categories: causes, substances, and conjunctiveness. Kant

только три категории — причины, субстанции и общности. Кант объясняет, как они вводятся в действие, как организуют оригинальный человеческий опыт. Но относительно других девяти категорий совершенно ничего не сказано. Беннетт задается закономерным вопросом: если опыт самосознательного существа должен подпадать под все априорные понятия и категории и формироваться ими, то как, например, он может быть определен понятиями отрицания, реальности, существования, тотальности (Bennett, 1966, p. 124)?

Если поставить вопрос еще более конкретно, он будет звучать так: почему такие понятия, как «причинность» и «субстанция» (см. Первую и Вторую аналогии опыта), неизменно сохраняют значимость в эмпирической реальности, делая возможным эмпирическое знание (Van Cleve, 1999, p. 32)? В итоге все оппоненты Канта сосредоточились на аргументе каузальности. Суть его в том, что, если мы не в состоянии фиксировать связь причины и следствия, мы не можем обладать связностью опыта (Вторая аналогия опыта). Фундаментальное противоречие возникает, как только выявление причинно-следственных связей становится условием возможности опыта.

Обратимся к прочтению этой проблемы Патоном. Исходные предпосылки аргумента каузальности, с его точки зрения, таковы: 1) объекты опыта суть набор явлений, связанных благодаря тому, что они обладают необходимым синтетическим единством. Главная форма этого единства — последовательность, основу которой образует априорная форма времени. Концептуальным эффектом последовательности является каузальность; 2) с одной стороны, само по себе время не воспринимается, 3) а с другой — последовательность наших схватываний (аппрегензий) недостаточна для того, чтобы оправдать утверждение о последовательности в самих объектах; 4) однако при всех этих условиях мы обладаем знанием об объективных последовательностях вещей (Paton, 1936, p. 262).

explains how they are actuated and how they organise the original human experience. But he says nothing about the other nine categories. Bennett asks a legitimate question: if the experience of a self-conscious being must fit into and be formed by all the *a priori* concepts and categories, how should it be defined, for example, by the concepts of negation, reality, existence and totality? (Bennett, 1966, p. 124).

Still more concretely, the question may sound like this: why are such concepts as “causality” and “substance” (see the First and Second “Analogies of Experience”) invariably relevant in empirical reality, making empirical knowledge possible (Van Cleve, 1999, p. 32)? As a result, all the opponents of Kant target the causality argument. The gist of the argument is that if we are unable to capture the link between cause and effect, we cannot have coherent experience (the Second analogy of experience). The fundamental contradiction arises as soon as revealing the cause-and-effect relationship becomes the condition of the possibility of experience.

Let us turn to Paton’s reading of the problem. In his view, the prerequisites of the causality argument are as follows: 1) objects of experience are sets of phenomena that are interconnected because they possess the requisite synthetic unity. The main form of this unity is sequence, based on the *a priori* form of time. Causality is the conceptual effect of sequence. 2) But, on one hand, time is not perceived by itself and 3) on the other hand, the sequence of our capturing (apprehensions) is not sufficient to justify a proposition on sequencing in the objects themselves. 4) Yet, with all these conditions, we possess knowledge of the objective sequences of things (Paton, 1936, p. 262).

Paton stresses the problem of correlation between our notions of sequence and reality, asking the question: *on what grounds can causality be ascribed to the objective relations between ob-*

Патон акцентирует проблему корреляции наших представлений о последовательности с реальностью, поднимая вопрос: *на каком основании каузальность может быть приписана объективному отношению предметов опыта?* По сути, он описывает структуру, делающую возможным опыт в системе кантовского трансцендентального идеализма, причем делает это, педалируя все противоречивые моменты. Интересно сравнить ее со структурой условий опыта, предложенной Стросоном в работе «Пределы смысла» (1966). Она выглядит менее противоречивой, но не менее проблематичной.

На основе «Трансцендентальной аналитики» Стросон реконструирует кантовские условия возможности опыта в шести допущениях: 1) опыт проявляет качества временной последовательности (что делает возможным допущение 6); 2) между членами протяженного во времени ряда переживаний должно быть такое единство, которое позволяет субъекту этих переживаний осознавать их и приписывать их себе; 3) объекты опыта должны осознаваться как отличные от их переживаний в опыте (тезис объективности); 4) эти объекты пространственны по существу; 5) должна существовать единая пространственно-временная рамка эмпирической реальности, охватывающая весь опыт и его объекты, 6) в которой соблюдаются определенные принципы постоянства и причинности (Strawson, 1966, p. 8).

Последний пункт Стросона — это то, что Патон называет аргументом каузальности: чтобы опыт был возможен, в мире *должны* соблюдаться определенные принципы постоянства и причинности. Третьи пункты в обеих версиях коррелятивны: они связаны с проблемой перехода от частных данных сознания или опытных данных к объективному порядку вещей. Этот переход обеспечивается у Канта априорной формой времени. Время оказывается принципиальным образом вовлечено в проблему возможности опыта. Является ли оно ее причиной?

*jects of experience?* In essence, Paton describes a structure that makes experience possible within the system of Kantian transcendental idealism, highlighting all the contradictions. It is interesting to compare this structure with the one proposed by Strawson in his work *The Bounds of Sense* (1966). It looks less contradictory, but no less problematic.

On the basis of “Transcendental Analytic”, Strawson (1966, p. 8) reconstructs the Kantian conditions of the possibility of experience proceeding from six assumptions: 1) experience has the properties of temporal sequence (which makes possible assumption 6); between the members of a string of experiences extended in time there should be a unity that enables the subject of these experiences to be conscious of them and to ascribe them to oneself; the objects of experience should be seen as different from the way in which they are experienced (the thesis of objectivity); 4) these objects are essentially spatial; 5) there must exist a single spatio-temporal framework of empirical reality spanning the entirety of experience and its objects in which 6) certain principles of constancy and causality are observed.

Strawson’s final point is what Paton calls the argument of causality: for experience to be possible certain principles of constancy and causality *must* be observed in the world. The third points in both versions are related, being concerned with the problem of transition from particular data of consciousness or experiential data, to the objective order of things. Kant secures this transition by the *a priori* form of time. Time is a fundamental element in the problem of the possibility of experience. But what is its cause?

According to Kant, time is the *a priori* condition not only of phenomena, but also of the activity of understanding which should be based on the schematism of time. Schemes of understanding are in fact *a priori* definitions of time

Согласно Канту, время есть априорное условие не только явлений, но и деятельности рассудка, которая должна основываться на схематизме времени. Рассудочные схемы суть не что иное, как определения времени *a priori* (A 145 / B 184–185). На взгляд Стросона, главная проблема, которую имплицитно преследует Кант в «Аналогиях опыта», — это проблема различения двух режимов связности опыта или двух временных модусов, коль скоро время является условием этой связности. Рефлексия опыта должна улавливать различие между субъективным временным порядком восприятий и временными отношениями объектов, представлениями о которых являются восприятия. Только в этом случае можно наполнить содержанием общее понятие опыта объективной реальности и, следовательно, сделать умопостигаемой возможность самого опыта (Strawson, 1966, p. 87). Это и есть условия выполнения «критерия объективности».

И тем не менее ни Стросон, ни Патон, ни Беннетт не склонны выводить проблематичность самой возможности опыта из априорности времени или критерия объективности. Она исходит из аргумента каузальности. Почему же он столь «опасен»? Рассмотрим его следствия подробнее.

Существует семантическая, или референциальная, формулировка каузального аргумента; ее принимали, в частности, Дж. Фодор (Fodor, 1990, p. 4–8) и Х. Патнэм (Putnam, 1981, p. 26–38), а Ханна так и называет проблему замкнутого круга познания — «семантической проблемой». Ее решение предполагает поиск точных условий, при которых возможно создание любого когнитивного значения (Hanna, 2001, p. 67). В сходном ключе рассматривает ситуацию и Стросон. Канта, на его взгляд, интересуют общие условия употребления понятий, из которых следует признание того или иного содержания опыта как имеющего некоторый общий характер. Если эти условия соблюдаются, устанавливается минимальный стандарт того, что следует считать опытом (Strawson, 1966, p. 9).

(*KrV*, A 145 / B 184–185). In Strawson's view, the main problem Kant implicitly grapples with in "Analogies of Experience" is the problem of distinguishing the two modes of the unity of experience or two-time modes, as long as time is the condition of this connection. Reflection on experience should capture the difference between the subjective time order of perceptions, and the time relations between objects represented by perceptions. Only then can the general concept of the experience of objective reality be given content and, consequently, the possibility of experience itself be explained (Strawson, 1966, p. 87). These are the conditions that meet the "criterion of objectivity".

And yet neither Strawson, nor Paton, nor Bennett attribute the problematic character of the possibility of experience to the *a priori* character of time or the criterion of objectivity. Why is it so "dangerous"? Let us take a closer look at its consequences.

There exists a semantic, or referential formulation of the causal argument, which was accepted, among others, by Jerry Fodor (1990, pp. 4–8) and Hilary Putnam (1981, pp. 26–38), while Hanna refers to the problem of the vicious circle of cognition as "the semantic problem". Its solution calls for the search for the exact conditions under which cognitive meaning can be created (Hanna, 2001, p. 67). Strawson writes about this situation in a similar vein. He believes that Kant is interested in the general conditions of the use of concepts that lead to the recognition of this or that content of experience as having a general character. If these conditions are observed, the minimal standard of what can be considered to be experience is set (Strawson, 1966, p. 9).

The semantic angle on the causality argument is as follows: a concept may have *S* as its designation only if there is a causal connection between *S* and our use of the concept. In other words, "a symbol means cat in virtue of

В семантическом ракурсе аргумент каузальности таков: понятие может иметь S в качестве своего обозначения только в том случае, если существует причинная связь между S и нашим применением понятия. Иными словами, «символ означает кошку в силу какой-то надежной причинно-следственной связи, которую его знаки имеют с кошками» (Fodor, 1990, p. 127). Проблема в том, что изнутри своего языкового опыта мы не имеем доступа к этой причинной связи, поэтому у нас нет оснований заключать о ее природе.

Вот как выглядит это противоречие в онтологическом ракурсе: опыт невозможен без опоры на закономерности. Но у топологически и исторически локализованного субъекта нет никаких оснований обобщать закономерности собственного опыта мира, наделяя их статусом необходимых законов природы (Мирошниченко, 2017, с. 105). Согласно Кв. Мейясу, это центральная проблема трансцендентальной философии Канта: нет такого принципа или системы, которые придавали бы нашим формам мышления абсолютную необходимость и из которых они были бы дедуцируемы (Meillassoux, 2008, p. 65).

Суть каузального аргумента в его онтологическом ракурсе такова: не будь повторений каких-либо связей в природе, мы бы не пришли к понятию причины, а не приди мы к нему, мы не имели бы представление об объективной последовательности и в таком случае не имели бы средств для описания человеческого опыта. Концептуальная схема, лежащая в основе аргумента каузальности, и само развертывание аргумента приводят к парадоксальным выводам. Во-первых, повторение событий рассматривается фактически как необходимое условие опыта. Во-вторых, чтобы это условие работало, нужно признать, что причинно-следственные цепи на уровне наших восприятий идентичны или каким-то образом находятся в соответствии с причинно-следственными процессами вещей самих по себе, что и предполагает столь важное для Канта понятие *необходимости*.

some sort of reliable causal connection that its tokens bear to cats” (Fodor, 1990, p. 127). The problem is that from within our experience as language-users we have no access to this causal connection and, therefore, no grounds for drawing conclusions about its nature.

From the ontological point of view, this contradiction appears as follows: experience is impossible unless it leans on regularities. But a topologically and historically localised subject has no grounds for generalising the regularities of its own experience of the world, conferring on them the status of necessary laws of nature (Miroshnichenko, 2017, p. 105). According to Quentin Meillassoux (2008, p. 65), this is the central problem of Kant’s transcendental philosophy: there is no principle or system that would make our forms of thought absolutely necessary and from which they would be deducible.

The ontological essence of the causal argument is as follows: but for the repetition of certain connections in nature we would not be able to arrive at the concept of the cause and, therefore, would not have a representation of the objective sequence or the means of describing human experience. The conceptual scheme underlying the causal argument and the unfolding of the argument itself lead to paradoxical conclusions. First, repetition of events is practically seen as a necessary condition of experience. Secondly, if this condition is to work, we must admit that the cause-and-effect chains on the level of our perceptions are identical or are in some way congruent with the cause-and-effect processes of things-in-themselves, which is exactly what the concept of *necessity*, so important for Kant, implies.

By following this train of thought we have already painted ourselves into a corner. For the Kantian doctrine makes the opposite argument: one cannot arrive at necessity by observing, still less by observing the order of our

Подобными рассуждениями мы уже загнали себя в угол. Ведь кантовское учение говорит об обратном: нельзя прийти к необходимости путем наблюдения и тем более — путем наблюдения за порядком наших собственных идей; нельзя вывести объективность из чисто субъективной необходимости (A 368, 379). Пытаясь реабилитировать Канта, Патон объясняет: в каузальном аргументе речь идет лишь о связи объективности с необходимостью, а не о тождестве объективной и субъективной причинности: «Там, где мы убеждены, что явления для нас не вписываются в мир как систему, управляемую каузальными законами, там мы отрицаем объективность явлений» (Paton, 1936, p. 270). Но остается вопрос, удалось ли Канту доказать, что необходимая последовательность есть условие опыта.

## 5. Встреча Разума и Природы

Опыт сравнительного чтения первой «Критики» Патоном, Стросоном и Беннеттом позволяет заключить, что Кант сделал совершенно неожиданный шаг.

Как отмечает Стросон, Кант был одержим очень сильным искушением отождествить все, что ему удалось установить в качестве необходимых условий возможности опыта объективного мира, с тем, что он уже считал фундаментальными допущениями естественных наук, в частности физики (Strawson, 1966, p. 79). Может показаться, что именно это он и сделал. Патон комментирует «Аналогии опыта» так: если всеобщий закон причинности действителен, все принципы рассудка актуальны и мы допускаем единство апперцепции и времени как формы нашей чувственности, то приложение закона причинности ко всем событиям в феноменальном мире следует у Канта как неизбежное следствие. Действительно, в заключение «Аналогий опыта» Кант пишет: «Под природой (в эмпирическом смысле) мы разумеем связь существования явлений по необхо-

own ideas; one cannot derive objectivity from purely subjective necessity (*KrV*, A 368, 379). In a bid to rehabilitate Kant, Paton (1936, p. 270) explains: the causal argument is only about the connection between objectivity and necessity, not about the identity of objective and subjective causality: “where we are convinced that appearances to us will not fit into the world as a system governed by causal laws, there we deny the objectivity of the appearances”. But the question remains whether Kant succeeded in proving that the necessary sequence is the condition of experience.

## 5. Encounter between Reason and Nature

The comparison of the reading of the first *Critique* by Paton, Strawson, and Bennet warrants the conclusion that Kant took a totally unexpected step.

Strawson (1966, p. 79) notes that Kant was possessed by a strong temptation to identify everything he managed to establish as necessary conditions of the possibility of experiencing the objective world with what he already considered to be fundamental premises of the natural sciences, in particular physics. Indeed, one may get the impression that this is what he did. Consider Paton’s comment on the “Analogies of Experience”: if the law of causality is universal and if all the principles of reason are true, and if we allow the unity of apperception and time as a form of our sensibility, then the application of the causal law to all the events in the phenomenal world follows, according to Kant, as an inevitable consequence. Indeed, concluding “Analogies of Experience” Kant writes: “By nature (in the empirical sense) we understand the combination of appearances as regards their existence, in accordance with necessary rules, i.e., in accordance with laws” (*KrV*, B 263; Kant, 1998, p. 320). However, these primary laws for the first time make experience

димым правилам, т.е. по законам. Следовательно, существуют известные законы, и притом а priori, которые впервые делают природу возможной» (В 263; Кант, 1999, с. 229). Однако благодаря этим первоначальными законам также впервые становится возможным и сам опыт. Патон драматически заключает: Кант «не говорит, что, если феноменальный мир не соответствует закону причинности, у нас не может быть его опыта. Он говорит, что феноменального мира не было бы, если бы он не соответствовал этому закону» (Paton, 1936, p. 277–278; курсив мой. — М.А.).

Этот ход Канта поразил и Стросона, хотя он обсуждает его на примере другого фрагмента: «...порядок и законосообразность вносятся нами самими в явления, называемые нами природой, и не могли бы быть найдены в явлениях, если бы не были вложены [в них] первоначально нами [самими] или природой нашей души» (А 125; Кант, 1999, с. 145). Это значит, что те закономерности, которые мы называем природой, мы вводим сами посредством категорий. Но, с другой стороны, эта упорядочивающая функция категорий как чистых рассудочных понятий является их единственной функцией в познании. Таким образом «тезис о пределах применения категорий представляется обратной стороной тезиса о том, что рассудок ответствен за фундаментальный порядок Природы» (Strawson, 1966, p. 70). Круг метафизики опыта замкнулся.

Почему же проблема условий возможности нашего опыта, артикулированная до ее логического предела, приобрела у Канта столь парадоксальную форму? На этот вопрос есть ответ у Беннетта, которого в первую очередь заинтересовал фрагмент «Трансцендентальной аналитики», где Кант пишет о нелепости идеи, будто природа должна сообразоваться с субъективными основаниями нашей апперцепции (А 114), и другие подобные фрагменты (А 92 / В 124–125; В 164; А 196 / В 241). «Природа» предстает здесь как «обнаруживаемая природа», а то, что может

itself possible. Paton (1936, pp. 277-278) draws this dramatic conclusion: Kant “is not saying that unless the phenomenal world conforms to the law of causality, we could have no experience of it. He is saying that there *could be no phenomenal world unless it so conformed*” (my italics — М.А.).

Strawson, too, was struck by this move on Kant’s part, although he cites another fragment: “we ourselves bring into the appearances that order and regularity in them that we call nature, and moreover we would not be able to find it there if we, or the nature of our mind, had not originally put it there” (*KrV*, А 125; Kant, 1998, p. 241). This means that we ourselves introduce through categories the regularities we call nature. On the other hand, this ordering function of categories as pure concepts of understanding is their only function in cognition. “Thus, the thesis of the limits of the application of the categories is presented as the reverse side of the thesis that the understanding is responsible for the fundamental order of Nature” (Strawson, 1966, p. 70). The metaphysics of experience comes full circle.

Why has the problem of the conditions of the possibility of our experience, articulated to its logical limit, acquired such a paradoxical form with Kant? The answer to this question was given by Bennett who attended to the fragment in the “*Transcendental Analytic*” in which Kant describes as absurd the idea that nature should conform to the subjective grounds of our apperception (*KrV*, А 114) and to other similar fragments (*KrV*, А 92 / В 124-5; В 164; А 196 / В 241). “Nature” is “discovered nature” and that which can be discovered by reason should correspond to the conditions of mental identity.

At this point in our study it is already clear why Bennett describes the problem of the conditions of possibility of experience as “imposition of the causal order” on nature. He

быть обнаружено разумом, должно соответствовать условиям ментальной идентичности.

На данном этапе нашего исследования уже ясно, почему Беннетт называет проблему условий возможности опыта «навязыванием каузального порядка» природе. Он рассматривает эту проблему как следствие «генетической» интерпретации трансцендентального синтеза. Возникает вопрос, почему Кант не сглаживает обнажившиеся противоречия? Потому, отвечает Беннетт, что такова интеллектуальная манера кёнигсбергского мыслителя, таковы его философские предпочтения. Беннетт полагает, что дело тут не только в структуре кантовской системы трансцендентального идеализма, но и в «философском характере» Канта. Ему нравится живописать причинный порядок, запечатленный в феноменальном мире человеческим разумом. Более того, описывая рассудок как «законодателя природы» (A 126), сравнивая свой «новый способ мышления» с мышлением Коперника (B XV–XVIII) или описывая превосходство своих идей над идеями Локка и Юма (B 127), Кант тайно торжествует и злорадствует. Беннетт утверждает, что, если вчитаться, можно почувствовать злорадство автора (Bennett, 1966, p. 157).

Кант смущает читателя, спрашивая, как следует понимать то обстоятельство, что природа должна сообразоваться с категориями чистого рассудка (B 163). Он подливает масла в огонь, заявляя, что это звучит очень абсурдно, странно, преувеличенно (A 114, 127), но все же в итоге настаивает на том, что рассудок есть источник законов природы и что принцип целесообразности природы и многообразия ее эмпирических законов есть трансцендентальный принцип (AA 05, S. 181; Кант, 2001, с. 105). Беннетт рисует весьма оригинальный портрет Канта. Вместо привычного образа сухого и педантичного мыслителя перед нами предстает авантюрист, которому импонирует идея навязывания каузального порядка природе за ее изобретательность, за то, что она все переворачивает с ног на голову, но, главное, за ее шокирующее воздействие на читателя.

considers this to be the consequence of the “genetic” interpretation of the transcendental synthesis. Here the question suggests itself: why does Kant gloss over the revealed contradictions? Because, Bennett answers, this is Kant’s intellectual manner, these are his philosophical preferences. Bennett attributes this not only to the structure of Kant’s system of transcendental idealism, but also to the character of Kant’s philosophising. He enjoys describing the causal order human reason has found in the world of appearances. Moreover, Kant feels a sneaking triumph and glee when he describes understanding as ‘the lawgiver of nature’ (*KrV*, A 126), or compares his “new mode of thinking” with that of Copernicus (*KrV*, B XV–XVIII), or writes about the superiority of his ideas over those of Locke and Hume (B 127). Bennett (1966, p. 157) claims that if one reads attentively “one can feel him [i.e. Kant] gloating”.

Kant confuses the reader by asking what one is to make of the circumstance that nature should fit the categories of pure understanding (*KrV*, B 163). He adds fuel to the fire by saying that it sounds absurd, strange, and exaggerated (*KrV*, A 114, 127), but in the end insists that understanding is the source of the laws of nature and that the principle of the purposiveness of nature and the diversity of its empirical laws is a transcendental principle (*KU*, AA 05, p. 181; Kant, 2000, p. 69). Bennett paints a highly original portrait of Kant. Instead of the habitual image of a dry-as-dust pedantic thinker, Kant comes across as an adventurer who relishes the idea of imposing causal order on nature because it is inventive and turns everything upside down, and most importantly, because it shocks the reader.

In reality, the “imposition strategy” flows from the causality argument, based as it is on the *combination of causality and necessity*. The simple fact that the cognisable world must be causally ordered does not seem to mean

По сути же «стратегия навязывания» вытекает из аргумента каузальности, за ней стоит *связь причинности и необходимости*. Из простого факта, что познаваемый мир должен быть каузально упорядочен, не следует, казалось бы, тот факт, что понятие причины должно включать какой-то неэмпирический вид необходимости. С самого начала было неясно, почему причинно-следственные связи должны реализовываться с необходимостью. Ответ Беннета таков: законы причинности выражают необходимость, поскольку они говорят не только о том, что происходит, но и о том, что «трансцендентально сделано» для того, чтобы это могло произойти в известном нам мире (Bennett, 1966, p. 158). Это место встречи Разума и Природы, тот пункт, в котором реальность обусловлена разумом. Полемическое чтение Канта приводит к выводу: Кант убежден, что каждый причинный закон включает в себя необходимость и действует с необходимостью. За этим убеждением стоит допущение, что известный порядок навязан миру рассудком.

### 6. «Замкнутый круг» и «трансцендентальный коллапс»

Как было сказано выше, нерв кантовской проблемы условий возможности опыта заключен в невозможности признать, что разум просто приписывает реальности свои категории и схемы. Акцентируя эту линию, Стросон выделяет в кантовской метафизике опыта *постулат объективности*: опыт должен включать осознание объектов, которое отличимо от переживания этих объектов (Strawson, 1966, p. 8). Для Канта, как и для любой теории познания, необходимо удерживать различие между тем, как вещи существуют в опытно воспринимаемом мире, и тем, как они воспринимаются в модусе их бытийствования, то есть различие между порядком мира и порядком опыта (Ibid., p. 64). При этом следует помнить, что, по Канту, существование внешнего мира не может быть дискурсивно обосновано. Данность мира и его

that the concept of cause should include some non-empirical type of necessity. It was not clear from the outset why cause-and-effect links have to be actualised as a necessity. Bennett's answer is that the laws of causality express necessity because they say not only what happens but also what "is transcendently made" for this to happen in the world we know (Bennett, 1966, p. 158). This is the meeting place of Reason and Nature, the point at which reality is conditioned by reason. A polemical reading of Kant leads to the conclusion that Kant is convinced that every causal law includes necessity and acts necessarily. The underlying assumption is that a certain order is imposed on the world by understanding.

### 6. The "Vicious Circle" and the "Transcendental Collapse"

As said above, the Kantian problem of the conditions of the possibility of experience stems from the fact that it is impossible to agree that reason simply ascribes its categories and schemes to reality. Pursuing this line, Strawson (1966, p. 8) identifies the *postulate of objectivity* in Kant's metaphysics: experience must include consciousness of objects that can be distinguished from the experience of these objects. For Kant, like for any theory of cognition, it is necessary to maintain the difference between how things exist in the experientially perceived world and how they are perceived in the mode of their existence, that is, the difference between the order of the world and the order of experience (*ibid.*, p. 64). And it should be borne in mind that according to Kant, the existence of the external world cannot be justified discursively. For Kant, the givenness of the world and its reality consists in and is guaranteed not by reasoning, but by the reality of our sensible experience (Soboleva, 2017, p. 91).

реальность для Канта составляет и гарантирует не рассуждение, а реальность нашего чувственного опыта (Соболева, 2017, с. 91).

Но опыт прочтения Канта совместно с Патоном, Стросоном и Беннеттом, казалось бы, привел нас к совершенно противоположным выводам. Проблема условий возможности опыта замкнулась сама на себе: опыт возможен, если созерцания могут быть приведены в соответствие априорным категориям (в частности, причинности), за объективное присутствие которых в природе несет ответственность разум.

Эти выводы были вполне ожидаемы, учитывая характерный для аналитиков стиль общения с Кантом — предельно вовлеченный, азартный и полемический, соответствующий нашей задаче заострить противоречия трансцендентальной проблемы опыта до предела. К какому же фундаментальному противоречию мы пришли? Проблема условий возможности опыта столкнула нас с понятиями закономерности, причинности и необходимости. В предельно обобщенной формулировке опыт невозможен, если 1) не различаются порядок переживаний и порядок реальности; 2) в эмпирической реальности не соблюдаются определенные принципы постоянства и причинности, с которыми и коррелируют априорные понятия. Проблема здесь даже не в том, что эти принципы базируются на отношениях во времени, которые тоже априорны, а события и предметы сами по себе должны быть «порядково индифферентными» (Strawson, 1966, p. 83). Проблема в том, что эти принципы должны соблюдаться с необходимостью, поскольку наша ментальная природа устроена именно так, а не иначе, и все ее возможности следуют из этого устройства с необходимостью. Но нет никакого основания для перехода от идеи необходимости принципов работы разума к идее необходимости в природе. Более того, нелегко даже перейти от обнаруживаемой в опыте каузальной необходимости к концептуальной необходимости в сознании, без которой первая невозможна (Чалый, 2004, с. 102).

However, the experiment of reading Kant together with Paton, Strawson, and Bennett seems to have led us to the opposite conclusions. The problem of the conditions of possibility of experience turned in upon itself: experience is possible if intuitions can be fitted into *a priori* categories (in particular causality) which owe their presence in nature to reason.

These conclusions were not unexpected, considering the characteristic style of analytic engagement with Kant, highly involved, fervent and polemical, befitting our task of carrying the contradictions of the transcendental problem of experience to their limit. What fundamental contradiction have we arrived at? The problem of the conditions of the possibility of experience confronted us with the concepts of regularity, causality, and necessity. In the most general sense experience is impossible if 1) the order of experiences and the order of reality are not distinguished; 2) certain principles of constancy and causality with which *a priori* concepts correlate are not observed in empirical reality. The problem is not even that these principles are based on relations of time, which are also *a priori*, and that events and objects themselves must have the feature of “order-indifference” (Strawson, 1966, p. 83). The problem is that all these principles must be complied with necessarily because our mental nature is what it is, and all its capacities necessarily derive from it. But there is no ground for a transition from the idea of the necessity of principles of reason to the idea of necessity in nature. Moreover, it is even hard to pass on from the causal necessity found in experience to conceptual necessity in consciousness, without which the former is impossible (Chaly, 2004, p. 102).

This contradiction explains why Kant does not consider our sensibility and understanding to be the only possible kinds of intuition and cognition (*KrV*, A 252; A 254 / B 310). Kant conceives of other types of intuition, includ-

В свете этого противоречия становится понятным, почему Кант не считает наши чувственность и рассудок единственно возможными видами созерцания и познания (A 252; A 254 / B 310). Кант допускает мыслимость иных типов созерцания, в том числе нечувственного, то есть не опирающегося на априорные формы чувственности. С одной стороны, возможность вещи никогда не может быть доказана только через непротиворечивость понятия о ней, с другой — мы не можем исключить другой тип созерцания на логических основаниях (Mazijk, 2020, p. 27). Если бы наши способы созерцания и наш тип разумности были единственно возможными (инвариантными), то здесь возникла бы тотальная необходимость, в соответствии с которой должен был бы находиться и порядок природы для того, чтобы разумное существо в этом мире было возможным. Единственно возможный разум соответствовал бы единственно возможному миру, наподобие того, как это имеет место в теории предустановленной гармонии. Но другие способы созерцания, а следовательно, и другие жизненные миры возможны. Таким образом, нет универсальной природной необходимости, которая обеспечивала бы опыт. Это несколько смягчает противоречие, но не снимает его: предметы опыта существуют объективно, и априорные принципы познания должны быть к ним применимы.

Сформулируем исследуемую проблему еще раз, зафиксировав ее в двух основных ракурсах — эпистемическом и онтологическом. В первом случае она выглядит как проблема «замкнутого круга» познания.

Итак, порядок мира и порядок опыта отличны друг от друга, рассудок и разум никоим образом не приписывают реальности свои принципы, но в то же время «мы необходимо должны а priori приписывать вещам все свойства, принадлежащие к числу тех условий, под которыми исключительно мы способны мыслить вещь» (A 347 / B 405, Кант, 1999, с. 316). Подобных противоречивых моментов достаточно у Канта. К примеру, в «Трансцендентальной

ing non-sensible, i.e. based on *a priori* forms of sensibility. On the one hand, the possibility of a thing can never be proved only by pointing to the non-contradictory character of the concept of the thing; on the other hand, we cannot rule out a different type of intuition on logical grounds (Mazijk, 2020, p. 27). If our modes of intuition and our type of reason were the only kind possible, (invariant) necessity would be total, such that the order of nature would have to correspond to it for a reasonable being to be able to exist in this world. The only possible reason would correspond to the only possible world in the same way as it is envisaged in the theory of pre-established harmony. But other modes of intuition and hence other lifeworlds are possible. Thus, there is no universal natural necessity that would guarantee experience. This softens the contradiction a little bit, but does not remove it: objects of experience exist objectively and *a priori* principles of cognition should be applicable to them.

Let us recap the problem looking at it from two main angles: the epistemological and the ontological. In the former case it looks like the problem of “the vicious circle of cognition”.

Thus, although the order of the world and the order of experience are different — understanding and reason do not ascribe their principles to reality — at the same time, “we must necessarily ascribe to things *a priori* all the properties that constitute the conditions under which alone we think them” (*KrV*, A 347 / B 405, Kant, 1998, pp. 414-415). Kant has not a few such contradictory moments. For example, in “Transcendental deduction” objects are described as that which makes our knowledge necessary; the object keeps at bay the arbitrariness of our knowledge, imposing the necessary synthetic unity on our knowledge and harmonising it. But in the next paragraph Kant maintains that we deal only with the manifold of our representations, and the X that corresponds to

дедукции» предметы характеризуются как то, что сообщает нашему знанию необходимость; предмет противостоит произвольности нашего знания, он налагает на наши познания необходимое синтетическое единство, заставляет их согласовываться друг с другом. Но уже в следующем абзаце Кант утверждает, что мы имеем дело только с многообразием наших представлений и то  $X$ , которое соответствует им и должно чем-то от них отличаться, есть для нас ничто (А 104–105). Складывается впечатление, что понятие объекта есть просто понятие необходимого синтетического единства идей (Paton, 1936, p. 265).

Эпистемологическая проблема, оставленная Кантом в наследство последующей философии, является проблемой «замкнутого круга»: чтобы соответствовать реальности, принципы познания должны формироваться опытом, но опыт невозможен, если ему не предпосланы принципы познания. Трансцендентальная проблема замкнутого круга получила развитие в эпистемическом дизъюнктивизме в виде проблем базиса и доступа. Если условие полноценного опыта — это применимость априорных понятий к созерцаниям, то есть их концептуализация, то видеть, что имеет место некий факт (допустим, факт « $p$ »), равносильно знанию, что этот факт имеет место. Если помыслить в этом направлении, можно утверждать, что человек узнаёт конкретный эмпирический факт посредством рефлексивного неэмпирического процесса, то есть чисто априорным путем. Видение того, что « $p$ », уже предполагает некоторое концептуальное знание того, что « $p$ », поскольку это всего лишь способ узнать, что « $p$ ». В этом случае неясно, как созерцание может составлять основу для познания, то есть как видение того, что « $p$ », может составить эпистемическую основу для знания этого « $p$ »? (Pritchard, 2012, p. 20–21). Иными словами, если знание уже присутствует в перцептивном опыте или логически вытекает из него, то каким образом оно может основываться на нем? (Прись, 2014).

them and must differ from them in some way is nothing to us (*KrV*, A 104-105). It looks as if the concept of an object is simply the concept of the necessary synthetic unity of ideas (Paton, 1936, p. 265).

The epistemological problem Kant bequeathed to the philosophers who came after him is the problem of the “vicious circle”: to correspond to reality, the principles of cognition should be formed by experience; but experience is impossible unless it is preceded by the principles of cognition. The transcendental problem of the vicious circle was developed in epistemic disjunctivism in the form of the access problem and the basis problem. If the condition of valid experience is applicability of *a priori* concepts to intuitions, i.e. their conceptualisation, seeing a certain fact (for example, fact  $P$ ) means knowing that it exists. Pursuing this line of thought we can assert that man learns a concrete empirical fact through a reflexive, non-empirical process, that is, in a purely *a priori* fashion. Seeing  $P$  presupposes a conceptual knowledge that  $P$  because it is merely a way of learning  $P$ . If so, it is unclear how intuition can be the basis of cognition, i.e. how seeing that  $P$  can form the epistemological basis of the knowledge of  $P$  (Pritchard, 2012, pp. 20-21). In other words, if knowledge already exists in perceptive experience or logically flows from it, how can it be based on it? (Pris, 2014).

From the ontological point of view the problem can be called *the problem of the transcendental collapse*, by analogy with the quantum collapse. On the quantum level atomic and subatomic particles represent a superposition which can take the shape of a list of all possible configurations of the quantum system. Unlike the systems of classical reality, quantum systems are not in a state of certainty, for example, spatial localisation of particles. The probabilistic character of quantum mechanics lends itself

В онтологическом ракурсе рассмотренную проблему можно назвать *проблемой трансцендентального коллапса*, наподобие квантового коллапса. На квантовом уровне атомные и субатомные частицы представляют собой суперпозицию, которую можно мыслить как перечень всех возможных конфигураций квантовой системы. В отличие от систем классической реальности, квантовые системы не характеризуются состоянием определенности, например пространственной локализацией частиц. Вероятностный характер квантовой механики успешно формализуем, но при этом он недостижим для нашего чувственного опыта.

Эксперименты по измерению состояний частицы полностью исключают из классической реальности все остальные возможные состояния системы. Они всегда приводят частицу в состояние определенности, то есть однозначных конкретных показателей ее положения, скорости, ориентации спина и т.п. Это и называется квантовым коллапсом – «суперпонирующая» система коллапсирует в состояние определенности. Трансцендентальный коллапс заключается в том, что объективная реальность, основанная на независимых от разума закономерностях, в процессе познания «коллапсирует» в категории и принципы познающего разума. Ведь, согласно так называемому трансцендентальному доказательству, если бы категории не были объективно действительными, опыт был бы невозможен (Van Cleve, 1999, p. 73). То есть в обоих случаях реальность, очевидно имея основания, независимые от человеческих способностей восприятия и объяснения, каким-то образом принимает форму нашего чувственного опыта и укладывается в границы категориального описания.

## 7. Заключение

Предложив артикуляцию кантовской проблемы условий возможности опыта как «замкнутого круга» познания или как «трансцен-

to formalisation, but it is not accessible to our sensory experience.

Experiments in measuring the states of a particle exclude from the classical reality all other states of the system. They always place the particle in a state of certainty – that is, with concrete indicators of its position, velocity, spin direction, etc. This is called quantum collapse when the superposed system collapses into a state of certainty. The transcendental collapse occurs when objective reality based on regularities independent from reason “collapses” into the categories and principles of the cognising reason. For according to the so-called transcendental proof, if categories were not objectively real, experience would not be possible (Van Cleve, 1999, p. 73). In other words, in both cases reality, which is obviously independent from the human capacity to perceive and explain, somehow takes the form of our sensible experience and is amenable to description in terms of categories.

## 7. Conclusion

In articulating the Kantian problem of conditions of the possibility of experience as a “vicious circle” of cognition or as “transcendental collapse” I did not, for a variety of reasons, set the goal of proposing *solutions* to this problem. To begin with, the statement of the problem has deep heuristic content and sheds light on important aspects of cognitive and reflexive processes. Any proposed solution would seem wanting and trivial considering the magnitude of the problem. In other words, articulating the problem is more important than solving it.

Secondly, as time has shown, the problem is relevant not only for transcendental philosophy. It has multiple instantiations in different philosophical traditions and contexts, in analytical philosophy, cognitive research, phenomenology, epistemological disjunctivism, etc.

дентального коллапса», мы по ряду причин не ставили цели показать варианты *решения* этой проблемы. Во-первых, сама ее постановка является глубоко содержательной, эвристичной и проливает свет на важные аспекты познавательных и рефлексивных процессов. Любой вариант решения будет выглядеть скучным и тривиальным на фоне фундаментальности самой проблемы. Иными словами, постановка этой проблемы ценнее, чем ее решение.

Во-вторых, эта проблема, как показало время, приложима далеко не только к трансцендентальной философии. Она имеет множество возможных решений в разных философских традициях и контекстах — в аналитической философии, когнитивных исследованиях, феноменологии, эпистемологическом дизъюнктивизме и др.

В-третьих, эта проблема является системообразующей для всего трансцендентального идеализма Канта; в гносеологическом ракурсе она предстает как проблема возможности априорных синтетических суждений, а в онтологическом — как проблема связи явлений и вещей самих по себе. Согласно Канту, синтетическое представление и его предметы могут «встретиться друг с другом» только в двух случаях: если предмет обуславливает возможность представления или если представление обуславливает возможность предмета (В 124–125). Эта дихотомия является ключевой для трансцендентализма и одновременно ведет за его пределы. Как отмечает К. Вестфаль, кантовское описание необходимых условий достоверности апперцептивного человеческого опыта и когнитивных суждений в конечном итоге показывает, что эти два варианта — не единственные. Кантовская теория опыта ведет за пределы этой оппозиции, дает стимул искать другие формы связи представлений и их предметов. Более того, анализ необходимых формальных и материальных условий возможного человеческого опыта выявляет устойчивые внешние аспекты семантического и ментального содержания, ко-

Thirdly, the problem is system-forming for Kant's transcendental idealism in general. On the epistemological level, it is the problem of the possibility of *a priori* synthetic judgments, while on the ontological level, it is the problem of the connection between phenomena and things-in-themselves. According to Kant, the synthetic representation and its object may "encounter each other" only in two cases: when the object conditions the possibility of representation or when the representation conditions the possibility of the object (*KrV*, B 124-125). This dichotomy is central to transcendentalism and, at the same time, leads beyond its bounds. As Kenneth Westphal notes, Kant's description of the necessary conditions of the authenticity of human apperceptive experience and cognitive judgments shows that these two variants are not the only ones. The Kantian theory of experience leads us beyond this juxtaposition and stimulates the search for other forms of the combination of representations and their objects. Moreover, analysis of the necessary formal and material conditions of possible human experience reveals stable external aspects of semantic and mental content that are totally independent of transcendental idealism (Westphal, 2021, p. 10).

The value of the Kantian "transcendental collapse" is that it steers philosophical discourse in the direction of two different descriptions under which the problem of the "constitution" of the objects of experience will be tackled. The first, the "generating" one, would view us as creating these objects or at least their key features, and would describe the expected cognitive process. The second, "pre-suppositional" one, has to do with the necessary conditions that must be met if we want to cognise a phenomenon as an object. Westphal sees a contrast there because Kant's transcendental idealism claims to defend a very subtle

торые полностью независимы от трансцендентального идеализма (Westphal, 2021, p. 10).

Кантовский «трансцендентальный коллапс» ценен тем, что подводит философский дискурс к двум разным смыслам, в которых затем будет развиваться проблема «конституции» объектов опыта. Первый из них, «порождающий», предполагает создание нами этих объектов или по крайней мере их ключевых особенностей и требует описания предполагаемого когнитивного процесса. Второй, «пресуппозиционный» смысл касается необходимых условий, которые должны быть удовлетворены, если мы хотим осознавать любое явление как объект. И здесь, как отмечает Вестфаль, есть контраст, потому что трансцендентальный идеализм Канта претендует на защиту очень тонкой версии «порождающего» смысла: согласно Канту, мы действительно создаем по крайней мере структуру объектов эмпирического опыта и знания. Но при этом фокус исследования Канта наведен на вопросы достоверности, и Кант демонстративно ограничивается только пресуппозиционным смыслом «конституции объектов», который достаточен для фиксации условий конституирования предметности человеческого мышления, восприятия или опыта (Ibid., p. 11).

На наш взгляд, наличие «трансцендентального коллапса» в кантовской системе не является тупиком или ее слабым местом. Напротив, постановка проблемы условий возможности опыта со всеми ее следствиями составляет нерв трансцендентализма как стиля мышления и системы интерпретации мира, поскольку суть трансцендентализма — это осознание парадоксальности того способа, каким разум вписан в структуру реальности (Мёдова, 2021; 2022).

### Список литературы

Кант И. Письмо к М. Герцу от 21 февраля 1772 года // Кант И. Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 526–533.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами переводов на русский и европейские языки. М. : Наука, 1999.

version of “generating” meaning: Kant argues that we do indeed create at least the structure of the objects of empirical experience and knowledge. But Kant concentrates on the questions of authenticity and pointedly confines himself to the presuppositional meaning of the “constitution of objects”, which is sufficient for the formulation of the conditions of the constitution of the objects of human thought, perception, or experience (*ibid.*, p. 11).

In my view, the presence of the “transcendental collapse” in Kant’s system is not a *cul-de-sac* or a weakness. On the contrary, the statement of the problem of the conditions of possibility of experience with all its consequences is the nerve of transcendentalism as a style of thinking and a system of interpreting the world; the essence of transcendentalism is awareness of the paradoxical character of the way reason fits into the structure of reality (Medova, 2021; 2023).

### References

Bennett, J., 1966. *Kant’s Analytic*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bennett, J., 1968. Strawson on Kant. *The Philosophical Review*, 77(3), pp. 340-349.

Chaly, V. A., 2004. Some Aspects of the Interpretation of the *Critique of Pure Reason* by Sir Peter Strawson. *Kantian Journal*, 1(24), pp. 88-103. (In Rus.)

Fodor, J. A., 1990. *Theory of Content and Other Essays*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Hanna, R., 2001. *Kant and the Foundations of Analytic Philosophy*. Oxford: Clarendon Press.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1999. *Correspondence*. Translated and edited by A. Zweig. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Edited by P. Guyer, translated by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.

Makeeva, L. B., 2013. Analytical Philosophy, its History and Kant. *Kantian Journal*, 2(44), pp. 56-68. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2013-2-5> (In Rus.)

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 69–833.

Макеева Л. Б. Аналитическая философия, ее история и Кант // Кантовский сборник. 2013. № 2 (44). С. 56–68.

Мёдова А. А. Постулаты модальности Канта и перспектива трансцендентализма // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме : труды III Всерос. науч. конф. / под общ. ред. А. М. Фейгельмана. М. : Русское общество истории и философии науки, 2021. С. 313–317.

Мёдова А. А. Генезис а priori и парадоксальность трансцендентализма // Философия в полицентричном мире. К 100-летию со дня рождения А. А. Зиновьева : избр. труды VIII Российского философского конгресса. М. : ООО «Сам полиграфист», 2022. С. 323–337.

Мирошниченко М. Д. Трансцендентализм и архископаемое: возможна ли феноменология «не-данного»? // Философский журнал. 2017. Т. 10, № 4. С. 104–120.

Прись И. Е. Проблема доступа в теории эпистемологического дисджонктивизма // Философская мысль. 2014. № 10. С. 1–25. URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=13641](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13641) (дата обращения: 11.08.2023).

Соболева М. Е. Аналитическое кантоведение, трансцендентальный идеализм и вещь в себе // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 4. С. 88–99.

Чалый В. А. Некоторые аспекты интерпретации «Критики чистого разума» сэром Питером Стросоном // Кантовский сборник. 2004. № 1 (24). С. 88–103.

Bennett J. Kant' Analytic. Cambridge : Cambridge University Press, 1966.

Bennett J. Strawson on Kant // The Philosophical Review. 1968. Vol. 77, № 3. P. 340–349.

Fodor J. A Theory of Content and Other Essays. Cambridge, MA : MIT Press, 1990.

Hanna R. Kant and the Foundations of Analytic Philosophy. Oxford : Clarendon Press, 2001.

Mazijk C. van. Perception and Reality in Kant, Husserl, and McDowell. N. Y. : Routledge, 2020.

Meillassoux Q. After Finitude. An Essay on the Necessity of Contingency / transl. by R. Brassier. L. ; N. Y. : Continuum, 2008.

Paton H. J. Kant's Metaphysic of Experience. A Commentary on the First Half of the *Kritik der reinen Vernunft* : in 2 vols. L. : George Allen & Unwin Ltd, 1936. Vol. 2.

Pritchard D. Epistemological Disjunctivism. Oxford : Oxford University Press, 2012.

Mazijk, C. van, 2020. *Perception and Reality in Kant, Husserl, and McDowell*. New York: Routledge.

Medova, A. A., 2021. Kant's Postulates of Modality and the Perspective of Transcendentalism. In: A. M. Feigelman, ed. 2021. *Revoljucija i evolucija: modeli razvitija v nauke, kul'ture, sociume: Trudy III Vserossijskoi nauchnoi konferencii* [Revolution and Evolution: Models of Development in Science, Culture, and Society: Proceedings of the III All-Russian Scientific Conference]. Moscow: Russian Society of History and Philosophy of Science, pp. 313-317.

Medova, A. A., 2022. Genesis A Priori and the Paradox of Transcendentalism. In: A. V. Smirnov and Y. M. Reznik, 2022. *Filosofija v policentrichnom mire. K 100-letiju so dnja rozhdenija A. A. Zinov'eva: Izbr. trudy VIII Rossijskogo filofsokogo kongressa* [Philosophy in a Polycentric World. On the 100th Anniversary of the Birth of A. A. Zinoviev: Selected Proceedings of the VIII Russian Philosophical Congress]. Moscow: Sam Poligrafist Ltd., pp. 323-337.

Meillassoux, Q., 2008. *After Finitude. An Essay on the Necessity of Contingency*. London & New York: Continuum.

Miroshnichenko, M. D., 2017. Transcendentalism and the Arche-Fossil: How a Phenomenology of the 'Non-Given' can be Possible? *Philosophy Journal*, 10(4), pp. 104-120. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-104-120> (In Rus.)

Paton, H. J., 1936. *Kant's Metaphysic of Experience. A Commentary on the First Half of the Kritik der reinen Vernunft. In Two Volumes. Volume 2*. London: George Allen & Unwin Ltd.

Pris, F. -I., 2014. The Problem of Access in the Theory of Epistemological Disjunctivism. *Philosophical Thought*, 10, pp. 1-25, [online] Available at: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=13641](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13641) [Accessed 11 August 2023].

Pritchard, D., 2012. *Epistemological Disjunctivism*. Oxford: Oxford University Press.

Putnam, H., 1981. *Reason, Truth, and History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sellars, W., 1967. Some Remarks on Kant's Theory of Experience. *The Journal of Philosophy*, 64(20), pp. 633-647.

Soboлева, M. E., 2017. Analytical Kantian Studies, Transcendental Idealism and the Thing-in-Itself. *Kantian Journal*, 36(4), pp. 88-99. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2017-4-6> (In Rus.)

Strawson, P. F., 1966. *The Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason*. London & New York: Routledge.

Putnam H. Reason, Truth, and History. Cambridge : Cambridge University Press, 1981.

Sellars W. Some Remarks on Kant's Theory of Experience // The Journal of Philosophy. 1967. Vol. 64, № 20. P. 633–647.

Strawson P. F. The Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. L. ; N. Y. : Routledge, 1966.

Van Cleve J. Problems from Kant. N. Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1999.

Westphal K. R. Kant's Transcendental Deduction of the Categories: Critical Re-Examination, Elucidation and Corroboration. Helsinki : Helsinki University Press, 2021.

### Об авторе

Анастасия Анатольевна Мёдова, доктор философских наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнёва, Красноярск, Россия; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия.

E-mail: amedova@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0637-6741>

### Для цитирования:

Мёдова А. А. «Трансцендентальный коллапс»: аналитическое прочтение Канта // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 4. С. 41–69.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-2

© Мёдова А. А., 2024.

Van Cleve, J., 1999. *Problems from Kant*. New York & Oxford: Oxford University Press.

Westphal, K. R., 2021. *Kant's Transcendental Deduction of the Categories: Critical Re-Examination, Elucidation and Corroboration*. Helsinki: Helsinki University Press.

*Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov*

### The author

Prof. Dr Anastasia A. Medova, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: amedova@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0637-6741>

### To cite this article:

Medova, A. A., 2024. "The Transcendental Collapse": Analytic Reading of Kant. *Kantian Journal*, 43(4), pp. 41-69.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-2>

© Medova A. A., 2024.



Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)



Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)